

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.31
УДК 94(47) +908«1914/1917»
ББК 63.3(2)53

Е.В. СЕВОСТЬЯНОВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИЗРЕНИЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СЕЛЕНГИНСКОМ УЕЗДЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Рассматривается реализация в Селенгинском уезде Забайкальской области государственной политики призрения семейств, мобилизованных из запаса, и организация благотворительной помощи. Выявлены инициаторы, формы и темпы организации городских и сельских попечительств; способы помощи в селениях. Рассмотрено создание и основные формы благотворительной деятельности Селенгинской уездной комиссии областного Забайкальского отдела Комитета Елизаветы Федоровны. Определено общее количество благотворительных и попечительных объединений в уезде. Определены основные тенденции социального попечения после Февраля 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Елизаветинский комитет, призрение семей мобилизованных, попечительства, благотворительность, Забайкальская область.

E.V. SEVOSTYANOVA

ORGANIZATION OF CHARITY AND PHILANTHROPY IN SELENGINSKY DISTRICT OF THE TRANS-BAIKAL REGION DURING THE FIRST WORLD WAR: INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE PUBLIC

The article considers the implementation of the policy of charity of families of mobilized in Selenga county; forms and rates of organization of urban and rural guardianship; creation, basic principles and forms of charitable activities of the Selenga County Commission of the regional Zabaikalsky Department of the

Committee of Elizaveta Fyodorovna. The total number of charitable and Trustee associations was revealed. The main trends of social care after February 1917 are defined.

Keywords: I World War, Elizabethan Committee, charity of mobilized families, guardianship, charity, TRANS-Baikal region.

При наличии общих условий и тенденций развития благотворительности и призрения в период Первой мировой войны, несомненно проявление и региональной специфики [15, с. 140, 165]. Как отмечали исследователи, в период войны общей тенденцией в сфере благотворительности и призрения было объединение усилий государства, общественных объединений и частных лиц, ставшее объективно необходимым условием, определявшим эффективность социального попечения. Реконструкция на локальном уездном уровне позволяет не только ввести в научный оборот новые данные, но и выявить общее и специфическое в формах социальных практик в тыловой неземской Забайкальской области. Цель статьи — анализ форм общественной благотворительности и организации призрения в уезде через призму взаимодействия властных структур и общественности. Статья является продолжением исследования локальных практик [17; 18].

Как административно-территориальная единица Забайкальской области Селенгинский уезд существовал до 1917 г. В 1914 г. численность населения в 328 населенных пунктах с центром в г. Селенгинск достигла 116 220. В состав уезда входили восемь волостей, семь станиц, две Степные Думы, три инородческих управы, 14 поселков вдоль линии Забайкальской железной дороги и безуездный г. Мысовск [20]. Населению военный губернатор объявил о мобилизации 19 июля; 20 июля разослал телеграммы о выборе попечительств, а уже 27 июля просил уездных начальников и городских голов «безотлагательно» сообщить результаты исследования нужд семейств мобилизованных запасных.

Заседание Селенгинского городского попечительства состоялось 29 июля. Избрали в него 12 человек. Председателем выбрали инспектора начального училища И.П. Воскобойникова, делопроизводителем — дьякона И. Носырева. Членами попечительства стали: настоятель Д. Малков, помощник уездного начальника И.Ф. Старков, два купца (М.А. Лушников и В.А. Малыгин), городской староста М.С. Торгашин, помощник сельского старосты Д.А. Рябов, четверо мещан (М.Н. Мельников, С.Н. Рябов, А.П. Мельников, П.В. Сотников). Первоначально для 10 солдатских семей Селенгинск («по ценам города») запросил 102 руб. 96 коп., что превышало позже установленную норму государственного пособия более чем в три раза. [10, л. 111, 117, 419, 420]

В Мысовске попечительство было избрано собранием уполномоченных 5 августа и на следующий день приступило к обследованию мате-

риального положения семей. К 13 августа в городе было выявлено 30 семей (86 лиц) подлежащих призрению, почти все они находились «в самом бедственном положении» и нуждались в немедленной помощи. К сентябрю список пополнился еще на 20 семей. Попечительство решило выдавать ежемесячно на лиц старше пяти лет по 3 руб., на членов семьи младше пяти лет — по 1 руб. 50 коп. При этом одинаковые суммы получали и венчаные, и гражданские семьи. Учитывая количество мобилизованных, попечительство сообщало, что у него нет «совершенно никаких» собственных средств и в будущем «достаточных частных пожертвований» не предвидится. В начальный период на помощь пришел военный губернатор, распорядившийся выделить 500 руб. К 1 октября общая сумма средств Мысовского попечительства составила 1 075 руб. 08 коп. (из них было выдано в пособие 337 руб. 50 коп.) [10, л. 281, 282, 285–286, 431].

В августе в уезде прошла организация сельских попечительств. Предписания власти о необходимости избрать попечителей были разосланы в конце июля — начале августа. По закону в составе сельского попечительства должно было быть не менее трех членов. В большей части волостей избранно было трое или чуть больше: в Кударобурятской — 3, Иволгинской — 4, Батуринской — 5, Турунтаевской — 5, в Орогонской — 4 человека. Были волости, где выбрали значительно больше членов: в Кабанской волости избрали 10 человек, в Посольской — 14. В Троицкой и Кударинской волостях собрать сельский сход для выборов попечителей так и не удалось. Основных причин, по мнению крестьянского начальника, было две: разгар полевых работ и обширность территории. Поэтому обследования в этих волостях проводили волостные старшина и заседатель. В редких случаях отказа сельского общества выбрать попечительство, приговоры возвращались сельским сходам для повторного обсуждения [10, л. 48, 48 об.]. В законе не было прямого указания на то, чтобы сельские попечительства обязательно выбирались из лиц крестьянского сословия, поэтому зачастую выбирали учителей и священников, мотивируя необходимость иметь в составе достаточно грамотных.

Сведения о семьях принимали четыре уездных съезда крестьянских начальников, в том числе Селенгинский. По закону пайки рассчитывали со дня явки призванных на сборный пункт (с 21 июля). При организации призрения нужно было определить, в соответствии со сложившимися местными рыночными ценами, размер казенного пайка (в Селенгинске цена за крупу была указана «приблизительно» по 8 коп. за фунт, поскольку в продаже ее не было). Областная власть торопила с подачей списков призреваемых семейств. Заседание Областного по крестьянским делам присутствия «О порядке выполнения Забайкальской областью возложенных по закону 25 июня 1912 г. обязанностей по призрению

семейств нижних воинских чинов в военное время» было назначено военным губернатором на 11 августа 1914 г. [14, л. 8].

По 1 участку уезда (четыре волости) все обследования семей мобилизованных были закончены к концу августа: по Кабанской и Кударинской волостям к 19, по Троицкой, Посольской и Кударобурятской волостям — к 23 августа. Причин для задержки сбора сведений было несколько: отъезд на дальние покосы, отъезд запасного на заработки. Семействам, проживающим на приисках, в железнодорожных поселках и в городах, требовалось время для возвращения на место причисления запасного. Неправильное составление сведений об имущественном положении семей также затягивало назначение пособий. Так Селенгинский уездный съезд крестьянских начальников 18 августа возвратил материалы имущественного положения семей для составления по «указанной съездом форме». Причиной задержки мог стать отъезд запасного в другой регион и отсутствие сведений о нем. Так, запасной Щербаков уехал в Николаевск-на-Амуре еще в 1913 г. и не подавал о себе известий. Пришлось отправлять запрос воинскому начальнику, явится ли мобилизованный на призывной пункт [10, л. 399, 416, 456].

Приказом по Забайкальскому казачьему войску № 599 от 15 августа 1914 г. предписывалось казачьим поселковым правлениям составить в трехдневный срок со дня получения приказа сведения о личном составе семей по предлагаемой форме и незамедлительно предоставить их в станичные правления [10, л.326]. По отношению к семьям, проживающим в городах и в местах «вне ведения войскового начальства» действовали особые правила. О проживающих вне казачьих станиц и поселков сведения собирали местные попечительства и предоставляли их атаману, а тот, в свою очередь, — в Особый комитет по призывению. Сведения о казачьих семьях в Селенгинске собирало Селенгинское станичное правление.

Основное внимание как центральных, так и региональных властей было сосредоточено и на организации взаимопомощи населения семьям односельчан. Министр МВД Н.А. Маклаков в телеграмме военному губернатору от 27 июля 1914 г. указал, что, помимо помощи казны и общественных учреждений, необходимой и существенной мерой обеспечения семейств призванных является организация самопомощи сельскими сходами. Министр предписал незамедлительно «разъяснить крестьянским обществам желательность установления мирских повинностей, не стесняя их в выборе способов осуществления этой помощи». Уже 29 июля МВД затребовало сведения об организации такого вида помощи семьям. В свою очередь, военный губернатор Забайкалья 28 июля предписал крестьянским начальникам немедленно обсудить на крестьянских сходах вопрос о формах организации помощи при уборке

полей [10, л. 1, 2, 5, 15; 9, л. 158]. В казачьих поселениях старший член Войскового правления ЗКВ полковник Орлов 1 августа 1914 г. распорядился «для большей производительности работ» установить надзор со стороны поселковых атаманов и жителей, пользующихся особым уважением [6, л. 65]. Хотя в отношении семей казаков официально устанавливался особый порядок действий, было настоятельно рекомендовано при оказании помощи не разделять сельское население на крестьян и казаков: в том случае, если на территории уезда «в массу крестьянского населения вкраплено казачье» — оказывать помощь всем одинаково.

Сплошной просмотр протоколов показал, что большинство сельских обществ единогласно постановили помогать семьям призванных «деньгами или натурой» в уборочную и в весеннюю посевную. Случаи отказа, мотивированные тем, что среди семей, призванных есть вполне обеспеченные, были немногочисленны. Были единичные случаи отказа по причине «небольшой площади посева у призванных». В с. Твороговском Посольской волости помогать отказались «ввиду неимения рабочих рук». В Куйтунской волости сначала отказались составлять приговор об оказании помощи, но некоторые односельчане оказывали помощь «по своему желанию», а из сельского экономического магазина нуждающимся выдали хлеб. В с. Большереченском Посольской волости выдали безвозмездно по 50 п. зерна на семью, с «раскладкой на общество». Кроме того, сельские общества выдавали, в случае надобности, семена или деньги на их приобретение. [10, л. 18, 19, 20, 30, 33, 49, 50, 51].

В Кударинской волости «по общему согласию» было решено, чтобы каждый домохозяин запахал и заборонил S десятины ушедшему на войну. Такое же решение приняли небольшие селения в Иволгинской, Батуринской, Кабанской, Александровской, Тыргетуевской волостях. В с. Красноярском Кударинской волости постановили оказывать помощь «всем крестьянским обществом в праздничные дни». В других селениях был составлен поименный список домохозяев и установлена очередь дворохозяев — кто и какой семье должен помогать. В среднем в Кабанской волости на каждую семью мобилизованного приходилось от 4 до 8 домохозяев [21, с. 9, 11, 15]. В с. Кабанское было решено, что каждые 10 домохозяев будут помогать каждой семье призванных («смотря по составу») от 3 до 8 дней [10, л. 50]. Священник Иоанно-Предтеченской церкви Кабанской волости в декабре 1914 г. писал, что в приходе на каждую семью мобилизованного приходится по 13 человек, которые помогают в молотье, подвозе дров [4, л. 21]. По обнаруженным протоколам можно установить, что в целом в Селенгинском уезде из 21 селения четырех волостей отказались организовывать общественную помощь только в одном. В 16 селениях решили оказывать помощь по очереди или нанимать поденщиков. Другие решили оказывать помощь деньга-

ми. Так в с. Юговском решили ограничиться ассигнованием по 5 руб. с домохозяина на уборку полей; в с. Шергинском Кударинской волости выделили на уборку полей 159 руб. 76 коп. По донесениям уездного начальства, наиболее согласовано мирская помощь оказывалась в Кабанской и Иволгинской волостях. Во многих селениях постановили, что за очередностью по выполнению работ на полях семейств мобилизованных будет установлено наблюдение специально выбранных крестьян, писарей или старост. В немногих случаях инициатором общественной мирской помощи становилась административная власть, вплоть до распоряжений о назначении «по 6 рабочих дней на одну ревизскую душу ратникам второго разряда».

В целом анализ материалов показывает, что мирская помощь имела определяющее значение в начальный период войны, пока количество нуждающихся семей не превышало норму, посильную для односельчан. Однако уже в уборочную страду 1915 г. в Селенгинском уезде к числу нуждающихся в помощи по уборке хлебов было причислено 948 семей, которым нужно было обработать 2 167 казенных десятин (по трем волостям сведений у нас нет). Из этого количества семьи могли обработать своими силами 682 десятины, сельчане обещали бесплатную помощь для обработки только 447 десятин. Следовательно, требовалось привлечение наемных работников для выполнения работ почти на половине площадей (на 1 038 десятинах) [Посчитано по: 4, л. 68, 69].

В первый год войны некоторые сельские и приходские попечительства считали, что нет крайней необходимости в активном сборе и накоплении благотворительных денежных средств. Так Батурицкий волостной старшина докладывал, что волостные и приходские попечительства оказывают помощь всем семействам. Приходской попечительный совет был открыт в конце 1914 г., но деятельность его, «при наличии казенного пособия и при отсутствии острой нужды» ограничена: собрали пожертвованиями хлеба 60 пудов и вещей 17 предметов [1, л. 36; 2, л. 67].

Из общероссийских благотворительных объединений в Селенгинском уезде помощь оказывали существовавший Алексеевский Главный комитет и вновь открытое «Забайкальское отделение Комитета ее Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» (ЗОКЕФ). В уезде с 1 апреля 1916 г. по 1 апреля 1917 гг. детей, не достигших 16 лет и призреваемых Алексеевским Главным комитетом, числилось 52. Общая сумма выданных пособий за год составила 416 руб. [12, л. 69]. Пособие выдавалось каждую треть года (1 апреля, 1 августа и 1 декабря). ЗОКЕФ открывало свое уездное отделение типично: военный губернатор просил должностных лиц приглашать от его имени в качестве членов «представителей всех ведомств», «наиболее уважа-

емых жителей и общественных деятелей», при этом уточнял, что членство «является вполне добровольным» и отказ не повлечет взысканий» [3, л. 29]. Селенгинский уездный начальник докладывал губернатору, что все им приглашенные «явились и выразили желание состоять членами комиссии».

Первоначально в состав уездной комиссии ЗОКЕФ вошли 14 человек, из них чиновников — 5, священников — 3, купцов — 2, врач — 1, полицейских — 3 [4, л. 10]. Председателем стал уездный начальник А.Н. Несмелов. В составе исполнительного комитета в апреле 1915 г. числились: протоиерей. Д. Малков, диакон И. Носырев, инспектор начального училища И.П. Воскобойников, помощник уездного начальника И.В. Старков, начальник почтово-телеграфной конторы Д.Р. Никитин, помощник городского старосты М.С. Торгашин, секретарь воинского присутствия В.А. Иванов, секретарь полицейского управления Н.Ф. Кожевин, купцы М. Лушников, В.А. Малыгин, полицейские приставы Д.В. Попов и Н. Бордацкий. В комиссию вошел и глава ламайского духовенства Восточной Сибири Пандито Хамбо-лама Д. Итигэлов, которого областная власть не раз просила «воздействовать на вверенную ему духовную паству в оказании посильной помощи трудом и средствами русскому населению, несущему тяготы войны» [6, л. 81, 82].

На заседании, посвященном открытию в селе Кабанское комиссии ЗОКЕФ, по приглашению пристава 1 стана явились 18 человек: учительница и инспектор высшего начального училища, начальник почтово-телеграфной конторы, волостной старшина, заведующий агрономическим пунктом, председатель волостного попечительства. На собрании пришли и представители общественных организаций: Общества народного дома; общественного собрания, хозяйственного правления еврейской молельни, кредитного товарищества [3, л. 12, 13]. В селах инициаторами часто становились священники и учителя, что было типично для Забайкалья [19, с. 186]. Так, в с. Красноярское Иволгинской волости инициировал выборы сельской комиссии ЗОКЕФ настоятель Пророко-Ильинской церкви А. Лавровский, пригласивший учителя, двух псаломщиков, сельского старосту и пятерых крестьян [4, л. 3].

Уездным комиссиям ЗОКЕФ предлагалось самим решать вопрос о необходимости организации волостных отделений, поскольку в некоторых уездах полагали, что в силу огромной территории волостей работа таких филиалов будет неэффективной. Селенгинская уездная комиссия 4 марта, обсудив предложение военного губернатора, решила открыть комиссии ЗОКЕФ во всех волостях и станицах под председательством волостных старшин и станичных атаманов [4, л. 9, 40]. По нашим данным, всего в уезде к началу 1915 г. было организовано 28 сельских и волостных попечительств, и отделений ЗОКЕФ. Из них попечительств при

волостных правлениях было семь (при Кабанском, Кударобурятском, Троицком, Посольском, Кударинском, Торейском, Иволгинском); при станичных правлениях, где размещались бурятские казацкие полки, — три (при Аракиретском, Гигетуйском, Боргойском правлениях). Церковно-приходских попечительств было восемь: Ильинское, Брянское, Колесовское, Твороговское, Посольское, Шергинское, Кударинское, Оймурское. При инородческих волостных правлениях были открыты Селенгинское, Сортольско-Армакское и Закаменское попечительства. Кроме того, попечительства были организованы при Кударинском второклассном училище, при Турунтаевском сельском училище. Комитеты Братства Кирилла и Мефодия были открыты при церквях четырех церквей: Средне-Убукунской, Турунтаевской, Батуринской, Красноярской. Комитет ЗОКЕФ был открыт в г. Мысовске [4, л. 27, 37].

Чтобы члены уездных комиссий ЗОКЕФ знали текущие нужды сельских поселений, губернатор рекомендовал им принимать участие в заседаниях сельских комиссий и вносить вклад «не только [раздачей] начальнических указаний, но и непосредственной работой на местах». Крестьянским и инородческим начальникам, чинам Переселенческого управления рекомендовалось оказывать помощь «не только своим служебным влиянием, но, главным образом, сердечным отношением» к делу благотворительности и призрения. Губернатор просил чиновников участвовать в заседаниях наравне с крестьянами, помнить, что они совершенно равны в добровольном и важном деле помощи [6, л. 26, 28].

Одной из главных задач уездных комиссий ЗОКЕФ считал сбор пожертвований на местные нужды. Когда Турунтаевская комиссия в апреле 1915 г. писала в ЗОКЕФ, что расходов за март не было, и деньги, которые удалось собрать она решила «предназначить для армии», то ЗОКЕФ в ответ просил направить деятельность, преимущественно, на оказание помощи семьям и не забывать, что «великая нужда» еще впереди [4, л. 31, 31 об.].

Хотя в целом использование благотворительных сборов зависело от местных условий, однако финансовые возможности попечительств и отделений ЗОКЕФ были крайне ограничены, а призывы увеличивали количество нуждающихся. ЗОКЕФ рекомендовал своим отделениям придерживаться строгой экономии. Так, Кударинское волостное попечительство с начала войны выдавало (с 21 июля по 1 декабря 1914 г.) по 3 руб. 18 коп. казенного пособия на взрослого члена семьи; и по 1 руб. 50 коп. на душу выдавалось из благотворительных сборов. С 1 декабря по 1 марта казенное пособие было уменьшено до 2 руб. 75 коп. Председатель попечительства А.И. Ключарев писал, что по личному его обследованию в селениях волости выявлено «самых беднейших» 574 души, и количество это превышает возможности попечительств. Потому в феврале 1915 г. просил ссуду у ЗОКЕФ из расчета («хотя бы») по 50 коп. на

человека «для улучшения пищи», однако получил отказ [5, л. 68, 69].

К декабрю 1915 г. на счетах Селенгинской уездной комиссии осталось 290 руб. Учитывая наступление благоприятного для сбора пожертвованных времени — Рождества — комиссия решила провести сбор пожертвований «по возможности» в каждом селе, деревне, булуке, поселке, урочище. Ответственными за сбор были назначены председатели участковых сельских комиссий, волостные и инородческие старшины, станичные атаманы. Пожертвования рекомендовалось собирать не только деньгами, но и зерном, скотом (особенно у бурятского населения), теплыми вещами, бельем [4, л. 147]. Любителей сценического искусства в Мысовске, Селенгинске, Кабанске просили поставить благотворительные концерты и спектакли.

Если сельские комиссии зачастую считали основным средством помощи денежные пособия, то уездная комиссия ЗОКЕФ полагала более продуктивным «безвозмездный труд окружающей среды» [Там же, л. 65, 66]. Деньги же стоило направлять на помощь «исключительно тем, кто будет лишен взаимопомощи». Деньги рекомендовалось не выдавать на руки, а оплачивать наем работников. В апреле 1915 г. Селенгинская уездная комиссия ЗОКЕФ решила просить крестьянских начальников, правительственного агронома, уездных чиновников, врача, чинов полиции во время разъездов по делам службы принять активное участие в информационной поддержке: «путем разъяснений» доводить до сельчан информацию, что установлены строгие сроки подачи ходатайств на пособие от ЗОКЕФ (к 15 мая — на вспашку паров, к 15 июня — на сенокос, к 20 июля — на уборку хлеба). При этом предупреждать семейства, что деньги нельзя направить на другие нужды, а использовать строго по назначению, иначе можно лишиться поддержки [6, л. 81 об.].

Кроме помощи семьям мобилизованных, жители уезда активно участвовали в организации других форм благотворительности. В Мысовске работал Дамский комитет попечения над беженцами, активное участие женщины принимали в кружечных всероссийских сборах в «Дни колоса ржи». В августе 1915 г. Татьянанский Комитет (Комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий) инициировал особый благотворительный сбор — «Ковш зерна нового урожая» с активным привлечением сельских жителей. В Забайкалье сбор проводился с конца ноября. К его организации были привлечены должностные лица (крестьянские и инородческие начальники, атаманы, чины полиции); учителя и священники. Активное участие в сборе пожертвований принимали ширетуи дацанов. Всего в Селенгинском уезде было собрано 3 957 пудов 36 ф. зерна. Часть поступившего зерна через отделения ЗОКЕФ была роздана в мае семьям запасных на посев [7, л. 18; 11, л. 118, 119].

После Февральской революции сложившаяся практика призрения и благотворительности быстро развалилась. Хотя съезд крестьянских на-

чальников Селенгинского уезда 13 марта 1917 г. направил приветствие областному КОБу, пообещав продолжать «ответственную работу по призрению семейств, призванных по мобилизации», но условия гражданской жизни менялись кардинально [16]. В условиях инфляции казенного пайка не хватало ни в городе, ни в селе. Солдатки писали в жалобах, что «ничтожное пособие» вынуждает «если не голодать в полном смысле этого слова, то жить впроголодь» [13, л. 135]. По нашим предварительным подсчетам, всего с 1 марта по 1 июня 1917 г. в Селенгинском уезде выдавалось 14 766 пайковых казенных пособий, из них детям до 5 лет — 4 216, полных пайков (детям старше 5 лет и взрослым) — 12 658.

После Февраля 1917 г. попечительства и съезды крестьянских начальников обсуждали не только вопрос об увеличении размеров пайка, но и возможность дополнительного введения в него других продуктов (например, молока для детей, чая). Заседавшее 15 мая 1917 г. Областное по крестьянским делам присутствие признало, что размер пайка нужно повысить, по всей области, поскольку цены выросли повсеместно. Объективными причинами удорожания называли истощение хлебных запасов у сельского населения Селенгинского уезда (урожай 1916 г. был «неудовлетворительным»); начало полевых работ по вспашке и посеву (это привело к прекращению подвоза продуктов в города); наконец, «расстройство» железнодорожного транспорта [13, л. 237]. Однако Селенгинский уездный съезд крестьянских начальников на заседании 7 июня 1917 г. признал, что перечень и количество продуктов, определенных законом для пайка, «являются вполне достаточными» [Там же, л. 169]. Главным продуктом потребления служит ржаная мука и гречневая крупа и, по мнению съезда, «замена таковой муки мукой высшей по качеству и сорту не вызывается крайней необходимостью». Кроме того, необходимо учитывать, что при колоссальных расходах Государственного казначейства такая замена «трудноосуществима». Съезд решил заменить, ввиду отсутствия на рынках, постное масло коровьим, но норму пайка оставить без изменений. Кроме того, Селенгинский уездный съезд 7 августа 1917 г. обсудив цены, поданные для назначения пайков, и сравнив их по волостям, признал, что по 11 волостям они «не соответствуют действительности». Податные инспекторы полагали, что цены на хлеб взвинчены искусственно, хлеб дорожает не в связи с отсутствием, а потому что крестьяне не поставляют его на рынок, ожидая повышения цен.

В целом, Селенгинская комиссия ЗОКЕФ с момента открытия и до сентября 1917 собрала в уезде 6 949 р. 66 к. пожертвований, субсидий от ЗОКЕФ получила не менее 24 003 руб. 20 коп. Территориально отделенная от Читы комиссия, подчиненная в своих решениях и действиях областному ЗОКЕФ, тратила значительные средства на организацию деятельности: на канцелярию (940 руб. 45 коп.), на поездки представителя в Читу (301 руб. 05 коп.), на отправку телеграмм (670 руб.) [8, л. 187].

Таким образом, деятельность по призрению и благотворительной поддержке солдатских и казачьих семейств запасных, призванных по мобилизации объединяла усилия региональной и местной властей и добровольную благотворительную помощь. Хотя в целом в уезде в сфере благотворительности преобладали не общественные инициативы, а мероприятия властей, но реализоваться они могли только при широкой поддержке общественности.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 36.
2. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 7.
3. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 20.
4. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 26.
5. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 50.
6. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 57.
7. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 58.
8. ГАЗК. — Ф. 12. — Оп. 1. — Д. 98.
9. ГАЗК. — Ф. 94. — Оп. 1. — Д. 827.
10. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 4721.
11. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 4899.
12. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 5523.
13. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 5487.
14. ГАЗК. — Ф. 20. — Оп. 1. — Д. 6088.
15. Еремин Е. А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Е. А. Еремин. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. — 277 с.
16. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности. — 1917. — 15 марта.
17. Севостьянова Е. В. Благотворительность и призрение в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области в период Первой мировой войны: специфика локальной практики / Е. В. Севостьянова // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : материалы Межд. науч.-практ. конф., Чита, 16 мая 2019 г. — Чита : ЗабГУ, 2019. — С. 103–106.
18. Севостьянова Е. В. Благотворительность и призрение среди казачьего населения Троицкосавского уезда Забайкалья в период Первой мировой войны: локальная специфика социальных практик / Е. В. Севостьянова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2018. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. — С. 352–361.
19. Севостьянова Е. В. Комиссии Елизаветинского благотворительного комитета в сельских поселениях Забайкалья в годы Первой мировой войны / Е. В. Севостьянова // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Чита, 18 сентября 2019 г. — Чита : ЗабГУ, 2019. — С. 185–187.
20. Селенгинский уезд // Энциклопедия Забайкалья. — URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=9047>
21. Соколов В. Н. Обработка и обсеменение полей в семьях запасных и рат-

ников ополчения Забайкальской области в 1915 г. По сообщениям добровольных корреспондентов Статистического отдела / В. Н. Соколов. — Чита : Эл.тип. Бергут, сын и К., 1917. — 49 с.

Информация об авторе

Севостьянова Елена Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории, истории и философии Читинского института Байкальского государственного университета. 672000. Чита, ул. Анохина, 59, e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru.

Author

Elena V. Sevostyanova — PhD in History, Associate Professor, Chair of History and Political Science, Chita Institute of Baikal State University, 59, Anohin st., Chita, 672000, e-mail: Sevostyanova.elena@mail.ru.